Что же касается вопроса, составившего об'ект суждения настоящей публикации, то остается надеяться, что, в дальнейшем, счастливый случай, подобный, например, описанной здесь таганрогской архивной находке, быт может прольет все же дополнительный свет на вопрос о судьбе „шести статуй“ и представит новые данные к более пространному описанию этих памятников древности и к установлению места их происхождения [42]). „Omnis habet sua dona dies“.

М. А. Миллер.

К вопросу о местонахождении „Пизанского Порта“.

„Пизанский Порт“ представлял собою вторую по величине, после Таны, генуэзскую колонию на Приазовьи. Этот порт, с названием „Порто-Пиксано“ или „Пизан-Порт“, обозначается на всех картах 16—17 в.в., причем, в большинстве случаев, показание это берется из известной карты Меркатора 1554 года, которая долгое время служила основанием при составлении последующих карт [1]). Однако, благодаря неточности картографии того времени, на основании имевшихся показаний локализовать „Порто-Пизано“ не было возможности. Можно было лишь сказать, что колония эта расположена в северо-восточном углу Азовского моря, на северном побережьи, у восточного основания какого-то мыса. Вероятно поэтому, местные историки искали Порто-Пизано чаще всего на месте нынешнего Таганрога. Вопрос о местонахождениии Порто-Пизано стоял между прочим и в планах работ местной группы археологов, причем лишь в самое последнее время, благодаря сделанным находкам и материалу накопленному в предыдущие годы, имеется уже основание для документального решения этого вопроса.

В 6-ти верстах к западу от Таганрога находится Петрушина коса. Это образование в настоящее время представляет собою совершенно незначительный выступ в море высокого берега, к западной стороне которого примыкает большая полоса наносных песков, восточная же

---

[42]) К моменту окончания набора данной публикации, автор получил от М. А. Миллера любезное сообщение о найденной в Таганроге мраморной плите, дополняющее и уточняющее сведения ранее предоставленные нам М. А. Миллером; это сообщение содержит в себе, также, описание плиты вновь розысканной и осмотренной, по нашей просьбе, М. А. Миллером. По приводимым в сообщении сведениям, в конце семидесятых годов прошлого столетия местным (таганрогским) крупным рыбопромышленником была приобретена усадьба, расположенная на обрывистом берегу над портом, по 1-му Крепостному переулку. Усадьба была приобретена под постройку и оборудование рыбоспетного завода. В 1878 г. быля построены 2 громадных ледника. При рытье одного из них, в условиях которые за давностью времени выяснить уже трудно, во всяком случае на значительной глубине, была обнаружена мраморная плита с греческой надписью. Плита эта сохранилась и до наших дней, но небрежное хранение плиты привело к тому, что надпись сейчас совершенно исчезла (в 1909 г же она была видна довольно отчетливо). Плита представляет собой прямоугольную глыбу белого мрамора, хорошо обтесанную по всем поверхностям. Размер 62 см $\times$ 40 см при толщине в 28 см. Плита имеет следы глубоких надпилов с двух сторон, начатых как бы для того, чтобы распилить плиту по толщине, на две равные части. Одна из больших поверхностей имеет совершенную форму прямоугольника, у другой же углы срезаны, почему и фигура приближается к овалу. Надпись помещалась на коротком торце плиты. Совокупность данных говорит, что плита не была вотивной или стелой, как можно было думать, но является пьедесталом статуи к которой и относилась надпись. Особенно значителен дляислед. факт расположения усадьбы, где сделана находка плиты; как сказано усадьба эта расположена „на крутом берегу, возвышающемся над прежним портом Петра I“. Обстоятельство—ставящее плиту в возможную связь с мраморными статуями.

[1]) Материалы по истории русской картографии. В. Кордт. Киев. 1906 г.

непрерывно размывается и разрушается. Нет сомнений в том, что несколько столетий тому назад эта коса (собственно мыс) выдавалась далеко в море, образуя у основания залив. Достаточно сравнить современное очертание мыса с картою косы приведенною в дневнике Корба. Судя по сведениям местных жителей, разрушение восточного берега пошло особенно быстро в последние десятилетия. Старики помнят, что когда мыс выдавался еще далеко в море, берег был пологий и внизу проходил большой чумацкий шлях. Ныне все это смыто и крутой высокий берег восточной стороны косы, непрерывно обваливаясь, обнажает остатки старых культур и тех поселений, которые разновременно бытовали на Петрушиной косе. Уже давно это место было известно тем, что здесь из обрыва вываливаются на берег человеческие скелеты. Еще в 1909 г. это место осматривалось и было установлено наличие на косе остатков Петровских сооружений: значительно распаханные земляные валы крепости и остатки колодца, который представлял собою воронку выкопанную до воды, со спиральною дорожкою внутри.

На всем протяжении восточного берега косы, от ее оконечности до основания, у б. Овчаровой, из верхних слоев обрыва вываливаются к воде человеческие кости, кости животных, разнообразные черепки, а в самом обрыве обнажаются культурные пятна различной формы. Особенно многочисленны и типичны для этого памятника—„зольные ямы" конусообразной формы. Несмотря на обилие и разнообразие материала, памятник этот до последнего времени оставался совершенно неисследованным и не определенным. Лишь за последние 3 года местные археологи начали собирать случайные находки на берегу и с этого времени начинается накопление материала. В 1929 году эта работа велась особенно интенсивно и, наконец, нами было раскопано несколько зольных ям, давших замечательно интересные результаты, особенно в связи с вопросом о местонахождении Порто-Пизано. Количество под'емного материала также достигло таких размеров, что дало уже возможность разбить этот материал на определенные группы и определенно говорить об отдельных культурах. В сборах материала особенное участие принимали местные работники—В. А. Васильев, И. Е. Потапов, С. Н. Ляшевский, П. Морозов и Т. А Неклюдова. Весь материал собранный на Петрушиной Косе, был детально исследован М. И. Артамоновым, который, кроме того, выезжал с нами на место и осматривал памятник в натуре.

Устанавливаются следующие культуры: 1) доскифская, представленная кремневыми поделками, к которой можно отнести и некоторое количество недостаточно выразительных фрагментов керамики; 2) культура эллинистической поры-представлена незначительным количеством амфорных фрагментов и грубой черной глиняной посуды местной работы. Эта керамика вполне совпадает с культурою Беглицкой косы [2]). Эллинистическая культура пока находится только у основания косы; 3) культура эпохи византийской. Керамика этой культуры представлена в наибольшем количестве образцов, которые встречаются на всем протяжении восточного берега косы. Интересно, что в текущем году, помимо обычных амфорных и красноглинных обломков, были найдены черепки с волнистым орнаментом, который как будто бы связывает этот памятник с селищем у Золотой косы. Среди красноглиняной посуды преобладают небольшие амфорообразные сосуды с высоко поднятыми уплощенными ручками, низким горлом и

---

[2]) См. М. А. Миллер и Б. В. Лунин -„Некрополь у Беглицкой косы". Р. н-Д. 1929 г.

плоским дном. Такие точно сосуды характерны и для Самбекского городища; 4) Наконец, М. И. Артамонов совершенно определенно выделил группу керамики генуэзско-венецианской эпохи. Эта керамика своеобразна и нигде больше в памятниках северного Приазовья не встречается. Череп сосудов, пережженный, снаружи и изнутри кирпично-красный, в изломе имеет черную, резко обозначенную прослойку. Техника обработки—высокая. Характерны громадные толстые ручки с высоким под'емом примыкающим к низкому, прямому горлу. Встречаются ручки совершенно плоские, а также обломки стенок сосудов, орнаментированные снаружи сплошною сеткою сделанною лощением. К этой же группе керамики М. И. Артамонов отнес и незначительный обломок покрытый снаружи яркой зеленой поливой. В самое последнее время, уже после от'езда М. И. Артамонова, мы получили возможность обследовать некоторые из обнажающихся зольных ям и это обследование и дало замечательные результаты. В одной из ям, отличавшейся по форме от других, были найдены большие и выразительные обломки сосудов, с цветной поливой и орнаментом, такого точно типа, какой мы имеем из остатков Таны; 5) Эпоха Петровская. Вываливающиеся скелеты сосредоточены в двух местах, где, повидимому, имеется нечто вроде братских кладбищ. При скелетах в этом году найдено 2 медных креста и обручальное кольцо с буквами. Находимые здесь же глиняные трубки, монеты и мелкие чугунные ядра, повидимому, относятся все к Петровской крепости.

Этот, самый беглый обзор находок на Петрушиной косе, уже дает представление о богатстве и разнообразии памятника в целом. Возникает ряд вопросов, разрешение которых требует дальнейшего тщательного сбора материалов, изучения топографии памятника и ряда других работ, которые могут быть выполнены лишь постепенно.

Однако, находка поливенной орнаментированной посуды, в связи с имевшимся материалом, уже дает полное основание говорить об остатках генуэзского поселения именно в этом месте. Самые условия находки настолько своеобразны, что мы считаем необходимым привести краткое извлечение из полевого журнала по этому поводу. Зольная яма № 2. Глубина 2,8 мтр., диаметр дна—2 мтр. Сохранившаяся нижняя часть ямы, на высоту 1,8 мтр. от основания, имеет совершенно правильную цилиндрическую форму. Благодаря обвалам, яма обнажилась в обрыве в вертикальном разрезе. На глубине 1 мтр. от поверхности раскопка дала обыкновенный почвенный слой с незначительным количеством мелких красноглиняных черепков, встречающихся по всей площади косы. В этом слое не было ни малейших следов стен или горла ямы. Ниже, вполне явственно обнаружились стены ямы и ее содержимое. Весь материал, наполнявший яму, был расположен резко обозначенными слоями, имевшими крутую изогнутость кверху, в своем центре. Такое положение мусорных пластов указывает на то, что яма наполнялась содержимым сверху, через узкое отверстие, находившееся в центре. Если бы яма имела цилиндрическую форму до выхода на поверхность, то содержимое залегало бы ровными и горизонтальными пластами. Повидимому, входное отверстие уже обвалилось и потому не могло быть найдено раскопкой. Первый пласт в яме, толщиною до 25 см, состоял из груд кусков обожженной глины. В редких случаях эти куски имели форму обломков кирпича. Ниже обожженной глины оказался пласт чистой золы в 20 см. Зола была насыщена костями крупных рыб и млекопитающих, при чем некоторые кости носили следы огня. Ниже, до самого дна ямы, содержимое состояло из земли, с большою примесью золы и органического

перегноя, при чем изогнутая в центре слоистость сохранялась до конца. Вся эта масса была насыщена фрагментами красноглиняной посуды; здесь же были найдены 2 глиняных пряслицы, точильный брусок и 8 фрагментов орнаментированных и покрытых цветной поливой.

Общее впечатление таково, что яма имела форму цилиндра, с более или менее узким горлом в центре. Стены были обмазаны и обожжены. Яма постепенно заполнялась до 1/3 своей высоты, а затем верхние части стен, свод, а может быть и горло, обрушились и засыпали толстым слоем содержимое. Поливенные фрагменты в двух случаях представляют собою днища глубоких чаш на подставках (типа украинской миски). Одна орнаментирована внутри геометрическим узором и имеет поливу белую, коричневую и зеленую, другая, повидимому, имела какое-то изображение кривыми линиями. Полива желтая, коричневая и зеленая. Имеется крутой бок кувшина с ярко-зеленой поливой, и еще несколько мелких фрагментов от орнаментированных и гладких поливенных сосудов.

Факт нахождения на восточном берегу Петрушиной косы значительного количества остатков генуэзско-венецианской культуры, в связи с показаниями географических карт того времени, дает полное основание считать, что Пизанский порт находился именно в этом месте.

Сообщая в форме предварительного известия о результатах работ на Петрушиной косе, мы не сомневаемся в том, что дальнейшие работы здесь, будут пополнять уже собранный материал и подтверждать высказанные положения.

Проф. П. Н. Черняев.

А. А. Мартынов и его археологические записки.

Откладывая до будущего опубликование статьи под заглавием „А. А. Мартынов—археолог Донского края", уже вполне готовой к печати, мы ограничимся в настоящей заметке лишь беглым обзором некоторых данных, которые имеют отношение к названной теме.

Алексей Андреевич Мартынов родился в 1777 году и умер 5 мая 1865 года на 89-м году жизни. Образование А. А. получил в Польше (Белоруссии) [1]), в иезуитской коллегии; некоторое время потом был на военной службе, однако служебная карьера Мартынова, как человека очень богатого, вообще не интересовала.

По смерти отца в 1816-м году, А. А. вышел в отставку в чине полковника, принял управление громадными, унаследованными им, имениями и почти безвыездно прожил всю свою долгую жизнь сначала в слободе Голодаевке, а позже в г. Новочеркасске. По рассказам близко знавших Мартынова, как, напр., Х. И. Попова (1834—1925), заведывавшего Донским Обл. Музеем, крупные богатства делали М-а совершенно независимым, властным, самоуверенным и честолюбивым.

Обладая ясным и пытливым умом, М. интересовался науками, имел большую библиотеку, писал стихи и на старости лет занимался, между прочим, донским фольклором и историей и этнографией Украины. Унаследовав от своих—деда, Дмитрия Мартыновича (1730—1810),

---

1) В эпоху польских разделов отец А. А. состоял на военной службе в западном крае. Некоторые подробности из жизни М—а были сообщены нам его правнуком М. А. Миллером, которому и выражаем здесь свою признательность.